

**Обзор исследований отечественных антиковедов XIX – начала XX вв.
по истории Олимпийских игр в Древней Греции**

¹ Ольга Вячеславовна Гжибовская

² Елена Николаевна Мурзанаева

³ Галина Максимовна Романова

¹ Сочинский государственный университет, Россия

354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а

Кандидат исторических наук

² Сочинский государственный университет, Россия

354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а

Кандидат исторических наук

³ Сочинский государственный университет, Россия

354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а

Доктор экономических наук

Аннотация: В статье представлен обзор основных работ российских антиковедов XIX – начала XX века, в которых освещаются проблемы истории Олимпийских игр в Древней Греции; рассматривается уровень их источниковедческой работы и методы исторической критики.

Ключевые слова: историография, история Олимпийских игр, Древняя Греция, российское антиковедение.

УДК 93/94

Ближайшие несколько лет наш город Сочи все еще будет жить в ожидании одного из главных международных спортивных событий – Олимпийских зимних игр 2014 года. Среди простых граждан будущей олимпийской столицы мы встречаем как сторонников, так и противников данного мероприятия. Одни в мажорных тонах предрекают процветание городу, давно уже переставшему соответствовать званию лучшего курорта страны, другие – скептики – говорят о вреде для экологии и о том, что город превратился в большую строительную площадку, «задыхается» и тонет в тоннах строительного мусора. Так или иначе все это относится к практической стороне дела, затрагивает преимущественно финансовые интересы бизнеса и инфраструктурные проблемы города и горожан. Сегодня событие такого уровня, как Олимпийские игры, привлекает к себе взгляды не только политиков или любителей и профессионалов спорта, но вполне справедливо вызывает определенный научный интерес.

Для того чтобы разобраться в массе книг, в названии которых звучит словосочетание «Олимпийские игры», необходимо время от времени обращаться к историографической стороне вопроса. Просматривая многочисленные списки российских библиотечных фондов, можно обратить внимание на один интересный факт: история Олимпиад как древности, так и современности – эта та тема, по которой количество научно-популярной литературы зачастую значительно превышает количество научных исследований – статей, диссертаций, монографий. Примечательно также и то, что тема Игр древности рассматривается преимущественно в среде ученых-антиковедов, тогда как современные Игры, возрожденные Кубертенем, стали «вотчиной» отдельного исторического сегмента – «истории спорта». Интерес к теме то возрастает, то затухает, то вновь вызывает к появлению новой массы публикаций. Отсчет исторического изучения наследия Игр древней Эллады в Западной Европе часто ведется еще с XVI века. Первый научный импульс был дан привезенными в Европу и переведенными произведениями Пиндара и Павсания [1], второй – открытием подлинно исторического места – Олимпийского святилища в долине Алфея [2, с. 182-193]; третий – возрождением Игр в конце XIX столетия.

В российской историографии тема Олимпийских игр древности зазвучала в антиковедении лишь в XIX веке [3], по крайней мере, более ранние свидетельства интереса к теме нам обнаружить не посчастливилось. Хорошо известно пробуждение антиковедения начала XIX века, связанное с такими именами, как И. Мартынов, Н. Гнедич, В. Жуковский – они подарили русской читающей публике переводы многих древнегреческих авторов [4, с. 23-24]. Некоторые сведения о древних Играх русские читатели могли получить из

дневниковых записей русских путешественников, посещавших исторические места Греческой цивилизации. Так, известный русский антиковед М.С. Куторга – «первоначальник у нас науки об эллинизме» [4, с. 22-23], посетив Дельфы, составил следующий весьма восторженный отзыв: «<...> Так изумлён я был величием природы и так сильно впечатлён воспоминаниями древности. <...> Никогда я не представлял Дельф такими; я вообразил их в местоположении весёлом, смеющемся, как Олимпия. Но увидел природу, правда, величественную, но дикую. Отвесные громадные скалы, вернее говоря, горные стены, ужасно великие, образуют долину<...> и в этой-то долине Дельфы, на высоте 3000 футов над морем <...>. Вот почему здесь утвердились и процветали оракулы, а в Олимпии – игры. В одном месте природа улыбалась, в других – наводила страхом религиозные чувства. Были игры и в Дельфах, но позднее, и [это] было только подражанием» [5].

Другой русский путешественник В.П. Давыдов побывал в Олимпии за несколько лет до археолога Э. Курциуса, который возглавил раскопки этого древнегреческого полиса. В 1835 году Давыдов организовал поездку по Ионическим островам, Малой Азии и Турции. Во время пребывания в Греции В.П. Давыдов со своими спутниками, используя карту некоего Лапи, посетил развалины храма Зевса Олимпийского [6, I, с. 61]. «Они (развалины – авт.), – писал Давыдов в путевых заметках, – лежат посреди поля, засыпанного рожью в углублении земли, так что с некоторого расстояния неприметны, хотя состоят из больших масс <...>. Чтобы точнее узнать местоположение по описаниям Павсания, должно бы не только провести несколько недель на этом занимательном пункте, но и много здесь порыться. Признаюсь, я успел заметить только один храм из всего того, что описано в плане, и то, благодаря разрытиям, сделанным французами» [6, I, с. 68, 72; 14, с. 318].

Действительно, многое из того, что, вероятно, ожидалось, В.П. Давыдову и его спутникам увидеть не удалось: «Вид Олимпийской долины в теперешнем положении не помогает воображению, но напротив, отнимает у него силы, ибо все прежние черты изгладились, закрылись землей и заросли деревьями» [6, I, с. 71]. И действительно, Олимпия была открыта Курциусом лишь на девятиметровой глубине.

Известный русский художник К. Брюллов, который был участником этого путешествия, оставил несколько рисунков, по которым было возможно составить себе некоторое впечатление о современном для первой половины XIX века состоянии Олимпийского святилища. Соотнести вид местности и описанные у Павсания величественные храмы и спортивные площадки Олимпии было возможно только через художественный вымысел. В.П. Давыдов упоминает Лика, которому удалось составить реконструкцию плана священной рощи и всей долины. «Он воспользовался холмами, может быть, естественными, но по крайней мере параллельными между собой, чтобы назначить между ними место стадиума» [6, I, с. 72]. Сохранившиеся ко времени названного вояжа развалины предстали перед путешественниками, как после землетрясения. Это было несколько фрагментов здания храма, построенного по предположению автора записок, из известняка, со следами штукатурки, многочисленные фрагменты колонн, следы мраморного пола с грубой мозаикой. «Но остатки эти, – писал Давыдов, – вообще не соответствуют описаниям французских художников, которые, по-видимому, хотели вознаградить замыслом действительные замечания, которые они должны были сделать» [6, I, с. 73].

Итак, по изданным в 1839 путевым заметкам В.П. Давыдова русским читателям XIX столетия можно было составить себе некоторое представление о месте, где проводились древние Олимпийские игры. Примерно в это же время русские ученые-антиковеды разрабатывали отдельные аспекты истории Игр.

В 1850-х гг. появляются отдельные научные исследования некоторых аспектов Олимпийских игр древности. Тем, кто интересовался историей греческих праздников, следовало обратиться к хорошо известному труду П.М. Леонтьева «О поклонении Зевсу в Древней Греции». На фоне общеизвестных исторических фактов почитания первого из Олимпийских богов в древнегреческой мифологии в заключительном разделе книги ученый обратился к истории почитания Зевса в святилище Олимпии и собственно к Олимпийским играм [7].

П.М. Леонтьев был одним тех историков, кто увидел в сказаниях о древнейшей истории Олимпии существенные разночтения, а следовательно, и трудности исторической интерпретации в работе с этими источниками. Так, Страбон, по мнению Леонтьева, считал

Игры «баснословными и не заслуживающими внимания»; большую благодарность историки должны испытывать к Павсанию – летописцу Игр, хотя «многое в изложении Павсаниевом остается еще непонятно, многое, как кажется, вошло туда из позднейших прибавлений...» [7, с. 298]. Стремясь сделать источники понятными, ученый выделил в повествовании Павсания и других древнегреческих авторов то, что может быть отнесено к реально историческим фактам или лицам, и то, что, вполне вероятно, привнесено из мифа. Приведем лишь один пример. Пытаясь выявить древнейший характер почитания Зевса в Олимпии, П.М. Леонтьев писал: «Многие отделы в этом рассказе (Павсания – авт.), как уже было замечено, очень темны; к самым ясным принадлежит, во первых, указание на сношения с Критом, подтверждаемое всем, что мы знаем о древности процветания этого острова и поклонения его жителей Зевсу, и во вторых, свидетельство об участии Оксила, предводителя этолов, о которых исторически известно, что они во время возвращения Гераклидов, по родственности с эпями заняли так называемую полую Элиду <...> О причине введения в рассказ прочих героев трудно сказать что-нибудь удовлетворительное: некоторые из них имеют символическое значение <...>» [7, с. 302]. После сложного сличения исторических фактов и мифов ученый пришел к выводу о древности Олимпийского святилища почитания Зевса, которое началось еще до дорийского нашествия. Здесь следует сделать некоторую ремарку. Во второй половине XIX века в российской историографии постепенно утверждаются традиции изучения мифологии. Сам П.М. Леонтьев был сторонником концепции «философии мифа» в интерпретации Шеллинга, о чем он заявлял во введении к вышеназванной работе [7, III]. При этом используя эту концепцию как основу, он все же стремился очертить грани научности своего сочинения конкретным предметом и четко обозначенными хронологическими рамками.

Попытки сравнительного изучения греческой мифологии, ее образов, в первую очередь, культ Зевса, с другими религиями, например, индийской или египетской, он считал не вполне продуктивными. По крайней мере, это требовало, по словам Леонтьева, от исследователя большой осмотрительности и осторожности. Суть метода ученого, который следует за некоторыми своими современниками (К.О. Мюллер, К.Ф. Германн), заключалась в следующем. Во-первых, автор стремился найти так называемые «твердые точки» в содержании мифа – это указания на реальные исторические события, которые привязывают миф к месту и времени его возможного возникновения. Во-вторых, необходимо было, по его мнению, определить связь мифа с религиозным обрядом, так как именно обрядовая, культовая сторона – наиболее консервативная часть религии, сохраняющая в себе древние предания. Именно наличие культа, обрядовых сооружений – храмов – показывали реальное бытование мифа, «спускали» его из сферы поэтических фантазий на землю. Эта позиция шла вразрез с утвердившейся среди многих западных историков концепцией Дж. Грота (История Греции, 1846–1856). По выражению М.М. Хвостова, «мифы он (Грот – авт.) излагает, но не стремится извлечь из них фактической основы ввиду безнадежности таких попыток» [9, с. 30]. Судя по всему, наш автор придерживался иной точки зрения.

Теперь вернемся к содержанию той информации, которую можно было почерпнуть из сочинения П.М. Леонтьева об Олимпийских играх древности. Рождение Игр связывалось ученым, в первую очередь, с религиозным культом Зевса, который, согласно с древней мифологией, именно в этом месте, где устроено позднее было святилище, победил Кроноса. «Итак, – писал ученый, – олимпийские состязания проводятся в связи с рождением Зевса и его победой над Кроносом, т.е. самым важным событием истории греческой религии» [7, с. 298]. Географическая привязка мифа к Олимпии, расположенной в Элиде, объяснялась П.М. Леонтьевым через ряд предположений. Первое, можно сказать, весьма робкое и самим автором относимое к разряду догадки, связывало экстраполяцию названия горы Олимп за сотни километров с возможным проникновением в области элидской Олимпии племени фракийских пиерийцев, «живших вблизи Олимпа» и прибывших в Элиду в качестве колонистов. Вторая версия, многим более очевидная, – это прочное проникновение культа Зевса в область Элиды, получившего общегреческое признание как Олимпийского. «Твердыми точками» в мифе для ученого выступают данные о том, что, во-первых, в «Олимпии сохранилось яснее, нежели в других местах, воспоминание о борьбе Зевса с Кроносом»; во-вторых, олимпийское поклонение Зевсу родственно с критским и пиерийским; в-третьих, что оно имеет довольно «длинную историю еще до времени возвращения Гераклидов, следовательно, до дорийцев» [7, с. 302]. Однако именно

дорийцам, по мнению П.М. Леонтьева, принадлежит во многом заслуга возвышения Олимпийского праздника «для сообщения ему общеэллинского значения», и связан этот период со временем Ифита. Известная же каждому дата начала Игр и победа знаменитого повара Кореба из Элиды – все это состоялось через 108 лет после учреждения Игр Ифитом, то есть после начала регулярного «счета» Олимпиад и записи списка олимпийцев [7, с. 305].

Следующее за этими рассуждениями о времени начала Игр описание Олимпийского праздника П.М. Леонтьев счел возможным передать на основании уже известных в то время исследований зарубежных ученых Мейера, Краузе, Ратберга и Катремера де Кенси, приводя при этом объемные выдержки из работ Павсания и Пиндара. Судя по всему, здесь мы можем говорить о проявлении научной этики, не позволявшей ученым того времени сообщать от своего имени информацию, отраженную в работах других исследователей [7, с. 306-314]. Интересными для читателя того времени могли показаться описания П.М. Леонтьевым всего пространства Олимпии, тем более, что ко времени написания работы систематических раскопок еще не велось. Источники этого повествования нам определить довольно сложно, несмотря на то, что ученый упоминает все того же Павсания, однако указание на то, что до нашего времени сохранились те или иные фрагменты сооружений [7, с. 316], наводит нас на мысль об иных источниках этих сведений, тем более, что из биографии ученого не следует вероятность его личного (*de visu*) присутствия в Олимпии [8]. Судя по всему, данные приводились по вышеназванным работам европейских ученых. Завершалось повествование об олимпийском культе Зевса и греческих играх, проводимых в долине Алфея, описанием «Фидиева идола» (статуи Зевса) [7, с. 314].

Говоря о значении работы П.М. Леонтьева, современный исследователь может сказать, что она утратила свое значение как с филологической точки зрения (так как есть почти все переводы наиболее существенных источников), так и с источниковедческой позиции (ввиду появления археологических артефактов). Однако для нас в данном обзоре работ, посвященных Играм, более важным является факт научного задела и научной преемственности в изучении темы. В этой связи можно обозначить еще одно исследование, которое во многом продолжило ход мыслей ученого. Речь идет об обстоятельной статье (объем ок. 100 стр.) под названием «Очерки гимнастических игр древних греков» [10], опубликованной в журнале Министерства народного просвещения за 1856 год. Ее автором был филолог, профессор Харьковского университета П.В. Тиханович. Ученый обратил внимание читателей на значение «гимнастических игр» в истории древней Греции, рассмотрев их в связи с таким знаковым явлением, как древнегреческие «агоны». Рассматривая практику возникновения агона, «совершенно народного учреждения греков» [10, с. 217], он выводил сущность игр из религиозных обычаев, объясняя это тем, что в древнегреческой мифологии нашла отражение идея, согласно которой «игры – не только утеха и удовольствие, но и дело, угодное богам» [10, с. 217]. Вторым источником агонив была, по мнению П.В. Тихановича, особая благодарность греков к умершим, особенно героям и «заслуженным мужам». Наконец, Игры служили целям катарсиса, снятия психологического напряжения, например, после тяжелых сражений.

Первая часть исследования П.В. Тихановича посвящалась рассмотрению сущности Игр в связи с их содержанием и значением, при этом рассматривались не только Олимпийские, но и другие общегреческие агоны. В целом, «великие» Игры – Олимпийские, Пифийские, Истмийские и Немейские – в отличие от других местных агонив имели, по мнению П.В. Тихановича, важное объединительное общегреческое значение, служили источником общего увеселения, религиозного чувства, были элементом системы физического и духовного воспитания и обучения. Во время их проведения устанавливался так называемый всеобщий мир «экехеярия» [10, с. 221]. Важная роль отводилась посланцам феорам, участвовавшим в объявлении начала Игр и религиозных жертвоприношениях. Участниками праздников, по описанию П.В. Тихановича, были «агонисты и атлеты, начиная от детей <...> до совершеннолетних, составивших себе и имя, и славу» [10, с. 228], а также многочисленные зрители из числа как греков самого разного достатка, так и иностранцев. К числу знаменитейших участников ученый относил многих философов и просветителей – Фалеса Милетского, спартанца Хилона, Пифагора, Анаксагора, Сократа и Платона, «государственных мужей и полководцев» Фемистокла, Кимона, Филопэмена [10, с. 229]. Исключение из списка участников совершалось, по предположению П.В. Тихановича, по двум причинам: нравственным или политическим, что, впрочем, не объясняло запрета на

посещение Олимпийских игр замужними женщинами. В части последнего вопроса ученый сделал лишь допущение, согласно которому причиной был социальный статус: «Признается впрочем вероятным, – пишет автор, – что только незамужние дорянки, или же одни элинки, тоже незамужние, могли смотреть Олимпийские игры, и то редко, в сопровождении только братьев, родственников или отцов. <...> В дорических государствах девушки пользовались большею свободой, нежели замужние женщины». Тот факт, что у Павсания упоминаются женщины – участницы соревнований – говорит, по предположению Тихановича, лишь о том, что последние направляли на состязания лишь своих коней и вследствие этого считались победительницами на конных бегах. Все это сообщение, за исключением, пожалуй, рассуждений относительно роли Игр в различных сферах жизни греческого общества, можно отнести к пересказу, представленному в вышеназванной работе П.М. Леонтьева, который в свою очередь ссылался на зарубежную историографию [7, с. 306-314].

Во второй части статьи П.В. Тиханович подробным образом предпринял описание самих спортивных состязаний, входивших в Игры: бег [10, с. 241-253], прыжки [10, с. 253-257], бросание диска [10, с. 257-263], бросание дротика [10, с. 263-264], борьба [10, с. 264-274], кулачный бой [10, с. 274-284], пятиборье [10, с. 284-292], панкратион [10, с. 292-298], бега на колесницах [10, с. 298-307]. Завершается это повествование изложением сути вознаграждения, получаемого атлетами на олимпийских агонах. Характер суждений может показаться современникам несколько восторженно патетическим: «Атлет или агонист, – писал ученый, – являясь на праздник, <...> не думал о том, сколько он получит за свое искусство денег и вещественных наград. Он смотрел на искусство, как на дело священное и богам угодное, как на дело чести и бескорыстной славы» [10, с. 307]. По соображению П.В. Тихановича, лишь в гомеровскую эпоху, атлеты получали некоторое вознаграждение, тогда как во времена «исторические» единственным вознаграждением был «масляничный венок». Этот венок сам по себе, разумеется, не ценный составлял славу и счастье атлета лишь по той причине, что он был символом общего признания. То, что победителю предлагали гражданство других полисов [10, с. 312], хоть и было отмечено ученым, но выводов относительно политической роли победы для олимпийцев он не сделал [11].

В целом, работа П.В. Тихановича опиралась на самые разносторонние письменные источники – сочинения Ксенофонта, Дионисия Галикарнасского, Гелиодора, Павсания, Гомера, Плиния Старшего, Платона и многих других. Лишь немногие из них – в переводах русских писателей, например, произведения Гомера в изложении Жуковского. Судя по ссылкам автора, многие факты были заимствованы им из работы П.М. Леонтьева.

Одним из ученых, обратившихся к рассмотрению источников по истории Олимпийских игр, был В.В. Латышев. Интерес к истории Древней Греции родился у Латышева еще при изучении древних языков на историко-филологическом отделении Санкт-Петербургского университета, второй вехой в его биографии стала двухлетняя командировка в Грецию (1880), организованная для молодых ученых (по рекомендации Ф.Ф. Соколова) [12]. Еще до командировки, в Вильно, была опубликована первая из двух книг В.В. Латышева из «Очерков греческих древностей», которая до сих пор не утратила своего значения. Олимпийскому празднику был посвящен один из пунктов второй части книги, изданной в 1889 году и дополненной новым изданием 1899 года. В.В. Латышев излагает одну из легендарных версий основания Игр, а именно мифы о Пелопе или Геракле. Опираясь на данные Павсания, ученый предполагал, что миф о Пелопе может быть вполне правдоподобным в силу того, что Пелоп имел высокие почести, воздававшиеся ему в Олимпии. «По словам Павсания, – пишет В.В. Латышев, – здесь почитали его настолько выше других героев, насколько Зевса выше богов; считать же Геракла учредителем праздника побудило, вероятно, участие в нем дорийцев, переселившихся в Пелопоннес, по преданию, под начальством потомков Геракла» [13, с. 113]. Следующим этапом открытия Игр ученый считал эпоху Ифита, современника Ликурга, в легенде о котором говорилось, что царь Ифит послушал совет оракула и вновь учредил соревнования [13, с. 114].

Далее В.В. Латышев раскрывает основное содержание Олимпийского праздника, подчеркивая его общеэллиническое и религиозное значение, сообщая читателю следующие факты: 1) время проведения – 1 раз в четыре года по лунному календарю; 2) место проведения – долина Алфея; 3) основные храмы Олимпии с подробным архитектурным описанием некоторых из них; 4) особенности культов в Олимпии, например, регулярные жертвоприношения и гадания по внутренностям животных; 5) описание проходивших на

нем соревнований, награждений, требований к участникам и судьям; б) награждение победителей [13, с. 114-121]. В целом, перед нами своего рода сокращенная, обобщающая картина происходившего в Древней Греции праздника, и хотя автор посвящает Олимпийским играм больше места в своем труде, нежели прочим состязаниям, каких-либо выводов относительно аутентичности источников или ключевых проблем в истории Игр В.В. Латышев не выделяет. Последнее обстоятельство объяснимо тем, что труд был изначально задуман как пособие для начинающих филологов-классиков по государственной и общественной жизни древних греков. Повествование сопровождалось добротными, обстоятельными ссылками на источники (нередко цитируемые *in extenso*) и перечни специальной научной литературы, прилагаемые в конце глав и параграфов. Латышев называет «Описание Эллады» Павсания, тексты Плутарха и Плиния, упоминаются такие поэты, как Пиндар, Симонид и Бакхилид, хотя прямых ссылок на их оды автор не приводит. Судя по всему, ученый пользовался греческим текстом Павсания, о чем свидетельствует большое количество греческих терминов, упоминаемых им при описании Игр. Рассказ об истории и развитии Олимпийских игр был снабжен преимущественно зарубежной историографией, ссылками на известных ученых XIX века и материал раскопок Курциуса и других археологов 1875–1881 гг.

В целом, три из вышеназванных работ – П.М. Леонтьева, П.В. Тихановича и В.В. Латышева – с разных ракурсов давали читателям самое общее представление о характере Олимпийских игр в Древней Греции. Первые две, опираясь преимущественно на зарубежную историографию и письменные источники, рассматривали историю Игр в связи с раскрытием двух разных тем: почитание Зевса в Олимпии и общегреческое значение гимнастических игр и агона в культуре Древней Греции. В исследовании В.В. Латышева, в дополнение к западноевропейским филологическим штудиям, были приведены зарубежные публикации первых результатов систематических раскопок Олимпии.

Для этих работ было свойственно следование традиции идеализации греческой истории и стремление выделить некоторые исторические факты из древних мифов. Последнее обстоятельство кажется нам примечательным и в том отношении, что большинство историков, искренне веривших в то, что миф отражает не только миросозерцание народа, но может содержать в себе крупинцы подлинной исторической информации, сделали наиболее важные открытия в этой области: Ф. Вольф поставил в науке «гомеровский вопрос», Г. Шлиман открыл миру место, где некогда находилась легендарная Троя и Микены, Э. Курциус (также последователь К.О. Мюллера) явил миру древнюю Олимпию.

Другие антиковеды, издавшие свои работы в конце XIX века, напрямую к истории Игр не обращались. Читатель мог получить ранее известные сведения о религиозной сущности праздника, от российских ученых узнать результаты раскопок Олимпии. Так, некоторые данные об источниках по истории Игр мы встречаем у известного антиковеда С.А. Жебелева. В своем лице он соединял археолога, эпиграфиста, историка и филолога-классика. Наиболее крупные его труды посвящены детальному исследованию темных, еще не разработанных вопросов времени упадка Греции и носят узкоспециальный характер. Это его магистерская диссертация «Из истории Афин. 229–31 годы до Р. Х.» (СПб., 1898); в связи с названной диссертацией стоит другой еще более крупный труд С.А. Жебелева, являющийся как бы ее продолжением, – это его «ΑΧΑΪΚΑ. В области древностей провинции Ахайи» (СПб., 1903) [14, с. 613].

В московском журнале «Филологическое обозрение» С.А. Жебелев с 1893 г. издавал «Археологическую хронику эллинского Востока» – обзор новых археологических открытий, связанных с обнаружением различных памятников античной архитектуры и искусства. Эту хронику он вел из года в год без малого в течение десяти лет, а в начале 1900-х годов им было опубликовано и собственное обширное исследование археолого-искусствоведческого характера «Пантикапейские Ниобиды» (СПб., 1901). В этой работе С.А. Жебелев опубликовал и всесторонне исследовал частью терракотовых, частью гипсовых рельефных изображений Ниобид. Рельефные фигурки служили украшением одного из древних саркофагов, обнаруженных в Северном Причерноморье. Ученый уточнил их назначение, датировал их временем эллинизма, а главное, провел настоящее искусствоведческое изучение, доказав, в частности, что греческие мастера, изготовлявшие такого рода украшения к саркофагам, ориентировались в качестве образца не на статуарную скульптуру, а на рельефы, наподобие тех, которые украшали трон Зевса в его Олимпийском святилище

[15, с. 273]. Для обнаружения такого прототипа им был использован текст сочинения Павсания «Описание Эллады» (II в. н.э.), анализу которого он позднее посвятил специально большую статью [16].

В работах другого знаменитого историка Р.Ю. Виппера были даны наиболее полные для его времени разработки социальной истории Древней Греции VIII–IV вв. до н.э., сложные взаимоотношения различных социальных групп, столкновения и борьба между ними и влияние этих взаимоотношений на общий ход развития древнегреческого общества. В исследовании «История Греции в классическую эпоху IX–IV вв. до Р.Х.» Р.Ю. Виппер посвятил истории Олимпийских игр всего одну страницу из Пятой главы в контексте истории эпохи греко-персидских войн [17].

Объектом научных интересов одного из крупнейших русских ученых В.П. Бузескула была история афинской демократии. В монографии «Перикл» (1889) Бузескул дал самый обстоятельный в русской науке анализ политической деятельности вождя [18]. Изучая историю Афин, напрямую вопросов истории Олимпийских игр ученый не касался, в последней из вышеуказанных работ есть лишь одна ссылка на Игры при описании деятельности Лисия [18, с. 406]. Однако для нас интересна другая сторона его исследований.

Во «Введении в историю Греции» В.П. Бузескул сделал краткий обзор раскопок, проводимых в Олимпии, освещая основные этапы развития эпиграфики и археологии [14]. «Олимпия, – писал ученый, – священное в глазах эллинов место, где происходили их национальные игры, представляла собой своего рода музей греков: тут были собраны священные дары или приношения с разных концов эллинского мира, от государств и отдельных лиц; тут были алтари и храмы; множество статуй богов, героев и атлетов (в римскую эпоху этих статуй насчитывали более 3000), произведения знаменитых художников. При императоре Феодосии I Олимпийские игры были запрещены и многие памятники искусства из Олимпии перевезены в Константинополь, в том числе знаменитая статуя Зевса работы Фидия, впоследствии там, в Константинополе, и погибшая во время пожара. Затем многое подвергли разрушению и грабежу готы Алариха. Олимпия опустела. Феодосий II приказал сжечь ее здания» [14, с. 393]. После этого сообщения следовал краткий обзор раскопок, проводимых такими учеными, как Э. Курциус, Ф. Адлер, О. Гиршфельд, А. Фуртвенглер и другие. Здесь ученый опирался исключительно на зарубежную историографию и несколько работ по истории Олимпийских игр, переведенных на русский язык.

Другой знаменитый антиковед Ф.Ф. Зелинский активно занимался изучением различных аспектов греческой религии и культуры. Результатом этих занятий была публикация четырехтомного труда «Из жизни идей» (1905–1907, 1922). Ф.Ф. Зелинскому, – пишет о нем В.П. Бузескул, – «принадлежат и другие многочисленные работы, частью специальные, чисто научные, частью популярные – в лучшем значении этого слова: ими он пробуждает в нашем обществе интерес и любовь к античности. Ему мы обязаны и русским переводом Софокла (в «Памятниках мировой литературы». М., 1914. 3 т.), с введениями и вступительной статьей. Он же составил и учебник по истории античной культуры (М., 1915)» [14, с. 612]. Ф.Ф. Зелинский был сторонником идеалистического направления и рассматривал господствующие в Греции идеи, духовную культуру и прежде всего религию в качестве основы политического и социально-экономического развития греков. В очерке «Древнегреческая религия» ученый лишь кратко касается темы Олимпийских игр, рассматривая их в контексте рассмотрения сущности греческой религии и феномена «амфиктионии». «Другими центрами религиозного объединения эллинов, – пишет Ф.Ф. Зелинский, – были их национальные игры, тоже носившие богослужебный характер – Зевса в Немее и особенно в Олимпии, Посейдона на Истме, Аполлона в названных уже Дельфах. Сюда же относятся и Элевсинские таинства с тех пор, как волею того же дельфийского Аполлона за ними было признано общеэллинское значение» [19, с. 83]. Правда, он упоминает о причинах учреждения некоторых игр и даже утверждает о благотворности влияния войны на это событие. «Результатом войны было разрушение Крисы и присуждение ее территории Дельфам, которые, таким образом получили нечто вроде «церковной области», каковая победа ими отмечена учреждением пифийских игр (586 год до Р. Х.)» [20, с. 79]. Иных упоминаний об Играх, даже в контексте поклонения Зевсу, не встречается. Конечно, делать какие-либо выводы при столь малом внимании к предмету смысла не имеет. Печатный вариант очерка не был снабжен ни биографией, ни сколь значимым анализом источников.

Многогранную научную деятельность по изучению древнегреческой истории и культуры проводил Ф.Г. Мищенко. Ему принадлежат прекрасные переводы на русский язык сочинений Геродота, Фукидида, Полибия и Страбона, без которых сложно было бы изучать историю древних Олимпийских игр [21]. Он занимался историей общественной мысли древних греков, в частности проследил зарождение рационализма в Греции, представляют интерес его характеристики политических учреждений и государственного устройства, особенно во времена эллинизма. Наконец, он издал интересные работы о торговых взаимоотношениях между Афинами и Боспором в IV в. до н.э. и об отношениях между греческими городами и скифами [4, с. 26].

В целом русская наука внесла ценный вклад в европейское антиковедение, обогатила мировую науку многими серьезными исследованиями по истории Древней Греции. В области истории Олимпийских игр дореволюционными историками написано было сравнительно мало трудов. Одной из главных причин является, на наш взгляд, то, что в самой истории Олимпиад каких-либо проблемных вопросов русские антиковеды не видели. Те источники, которые повествовали об Олимпиадах – мифы и легенды Древней Греции, сочинения Павсания и Геродота – считались вполне аутентичными, что отчасти подтверждалась проводимыми в этот период археологическими раскопками в Олимпии, к которым русские историки прямого доступа не имели. При этом отечественными ученым была доступна зарубежная историография: они знали об основных результатах изысканий Э. Курциуса и его последователей. Первыми, кто обратился к анализу источников по истории Игр, были преимущественно филологи, носители знаний о древних языках. Именно они до появления систематического перевода Павсания С.П. Кондратьевым пользовались греческими текстами для исторических реконструкций (П.В. Тиханович, В.В. Латышев, С.А. Жебелев). Наиболее обстоятельный рассказ об Олимпийских играх древности представлен в исследованиях П.М. Леонтьева, П.В. Тихановича и В.В. Латышева.

Примечания:

1. См. подробнее: Никитюк Е.В. Историко-антикварное сочинение Павсания в русле так называемого Греческого Возрождения // Павсаний. Описание Эллады / Пер. С.П. Кондратьева. Под ред. Е.В. Никитюк. СПб., 1996. С. 20-40.
2. Баунов Б.А. Кумиры стадионов Эллады: повесть о рождении, расцвете и гибели Олимпийских, Пифийских, Истмийских, Немейских, Панафинейских игр античности / Борис Баунов. М.: Совет. спорт, 2004. 370 с.
3. Подробнее: Столбов В.В. Русско-советская олимпийская одиссея // Труды ученых ГЦОЛИФКа: 75 лет: Ежегодник. М., 1993. С. 23-36.
4. История Древней Греции / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высш. шк. 2003. 399 с.
5. Дневник М.С. Куторги // Цит. по статье: М.С. Куторга, П.И. Люперольский: история взаимоотношений учителя и ученика // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28 (166). История. Вып. 34. С. 160-166.
6. Давыдов В.П. Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 году Владимиром Давыдовым. СПб.: типография Эдуарда Праца и Ко. 1839. Ч. 1. 317 с. Ч. 2. 331 с.
7. Леонтьев П.М. О поклонении Зевсу в Древней Греции. М.: Унив. тип., 1850. 343 с.
8. О личности П.М. Леонтьева: Катков М.Н. о П.М. Леонтьеве // Календарь имп. лица в память цесаревича Николая. Сер. 2. М., 1899, С. 129-140.
9. Хвостов М.М. История Греции: Курс лекций. М.: Изд. ЛКИ. 2007. 336 с.
10. Тиханович П.В. Очерки гимнастических игр у древних греков // Журнал Министерства народного просвещения. 1856. № 12 (декабрь). Ч. II. С. 215-314.
11. Подробнее об этом вопросе в статье: Зельин К.К. Олимпионики и тираны // Вестник Древней истории. 1962. № 4. С. 21-29.
12. Латышев В.В. Автобиография // Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. С. Петербургского университета (1869–1894). Т. I, СПб., 1896. С. 371–380.
13. Латышев В.В. Очерк Греческих Древностей. СПб, 1897–1899 (третье издание). Ч. 2. 1899. Репринтное издание: СПб., 1997.
14. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. / Вступ. ст. и общ. ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005. 672 с.

15. Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. 1999.
16. Жебелев С.А. К вопросу о композиции «Описания Эллады» Павсания // Журнал Министерства народного просвещения, октябрь, 1909. С. 395-440.
17. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. М.: Типо-Литография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1906. 232 с. С. 186 и др.
18. Бузескул В.П. История афинской демократии / Вступ. ст. Э.Д. Фролова; науч. редакция текста Э.Д. Фролова, М.М. Холода. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. 480 с.
19. Зелинский Ф.Ф. Древнегреческая религия. Петроград: Изд. Огни. 1918. 163 с.
20. Зелинский Ф.Ф. История античной культуры / Ред. и прим. С.П. Заикина. 2-е изд. СПб.: Марс, 1995. 380 с.
21. Мищенко Ф.Г. Геродот и место его в древнеэллинической образованности // Геродот. История / Пер. Ф.Г. Мищенко. Прим. О.А. Королевой. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008 [1885].

Survey of Works by Domestic Antiquity Experts of XIX – Early XX Centuries, Concerning the History of the Olympic Games in Ancient Greece

¹ Olga V. Gzhibovskaya

² Elena N. Murzanaeva

³ Galina M. Romanova

¹ Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya Str., Sochi 354000
PhD (History)

² Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya Str., Sochi 354000
PhD (History)

³ Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya Str., Sochi 354000
Doctor of Economics

Abstract: The article presents the survey of major works by Russian antiquity experts of XIX – early XX centuries, covering the problems of the history of the Olympic Games in ancient Greece, considers the level of their historiographic works and methods of historic criticism.

Keywords: historiography, the history of the Olympic Games, ancient Greece, Russian antiquity study.

UDC 93/94